Джон Ло

Оптика опроса

Статья посвящена перформативному подходу к методам социальных наук. Во-первых, в ней посредством STS (исследований науки и технологий) рассматривается правдоподобность идеи о том, что исследовательские методы генерируют не только репрезентации реальности, но и сами репрезентируемые реальности. Во-вторых, в ней осуществляется археологическое исследование крупного опроса — Евробарометра, посвященного отношению граждан Европы к правам сельскохозяйственных животных, с целью выявления характера его перформативности. Наконец, в статье рассматриваются некоторые импликации перформативности исследовательских инструментов для будущего методов в социальных науках.

Ключевые слова: Евробарометр, метод, перформативность, онтологическая политика, исследования науки и технологий, опросное исследование.

Введение

Существует два основных взгляда на метод в естественных и социальных науках. С одной стороны, принято говорить, что методы — это техники *описания* реальности. В противоположность этому можно утверждать, что они представляют собой практики, которые не просто описывают реальности, но и *учреждают* (enact) их. Первый подход отражает общепринятую точку зрения. Он основан на допущении о том, что реальность некоторым образом имеет законченную форму, которая принципиально независима от используемых для ее изучения инструментов и предшествует им. Далее предполагается, что задача исследования — максимально полное раскрытие и описание этой реальности. Есть множество философских вариантов этой базовой позиции, охватывающих та-

---

Джон Ло — исследователь, специалист по социологии науки и техники, один из создателей акторно-сетевой теории и представитель «поворота к материальному», автор ряда социологических исследований авиационной промышленности, медицинских технологий, техник навигации и пр. Профессор Ланкастерского университета (Великобритания).

Переведено по: Law J. Seeing Like a Survey // Cultural Sociology. 2009. Vol. 3. № 2. Pp. 239–256.

кие «-измы», как позитивизм, эмпиризм, фальсификационизм, реализм и прагматизм. Но все это — большая метафизическая церковь, которая определяет наиболее обыденные трактовки исследовательских методов.

Второй подход — идея о том, что методы являются практиками, которые не только описывают реальности, но и *учреждают* их — рассматривает практики знания как более-менее *перформативные*. Это точка зрения меньшинства, хотя она имеет свою философскую генеалогию[1]. В настоящей статье я рассмотрю вторую, перформативную точку зрения в контексте социологического опроса. Я полагаю, что она совместима с нашей обыденной интуицией мира как чего-то прочного, регулярного, «внешнего» и более-менее независимого от того, что мы о нем думаем. Но, что важнее, я также полагаю, что она аналитически и политически продуктивна, поскольку побуждает нас изучать то, как наши методы на самом деле работают, и хотим ли мы этого.

Сначала я рассмотрю правдоподобность и основания перформативного понимания метода. Затем я осуществлю археологию крупного опросного исследования — Евробарометра, посвященного отношению европейцев к правам сельскохозяйственных животных (farm animal welfare). Меня интересует перформативность данного исследования — многослойность тех реальностей, учреждению которых оно способствует. В заключение я остановлюсь на значении перформативности исследовательских инструментов для будущего методов в социальных науках.

Практики реальности и перформансы

Если практики знания перформативны и учреждают то, о чем сообщают, тогда сразу же возникает вопрос: каким образом социолог способен формулировать обоснованные утверждения по поводу установок и поведения потребителей? Или фармаколог сообщать об обнаружении связанных конъюгатов в системах направленной доставки лекарств? Почему производители знания могут убедительно заявлять, что нечто *действительно* имеет место?

---

1 Среди источников — Фуко М. Рождение клиники/пер. с франц. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождения тюрьмы/пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999; Фуко М. Археология знания/пер. с франц. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия, 2004;; Hacking I. The Self-Vindication of the Laboratory Sciences // Science as Practice and Culture. Chicago and London: Chicago University Press, 1992. P. 29–64; Rheinberger, H.-J. Toward a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997.

Первичный ответ на этот вопрос — хотя он и является лишь немного большим, чем его переформулировкой, таков: практики знания и поддерживаемые ими формы знания становятся устойчивыми, только если они могут успешно решать одновременно две задачи. Во-первых, они должны быть способны создавать знание (не важно, теории это или данные), которое *работает*, которое тем или иным образом упорядочено, которое убедительно и которое (ключевой аспект) делает то, что от него требуется. Но, во-вторых, они (что контринтуитивно) должны быть способны *генерировать реальности*, которые соответствуют этому знанию[1]. Это сложный момент, и я поясню его, предложив для начала простую иллюстрацию того типа ответа, которая требуется в данном случае.

Психиатрические лечебницы во Франции полны (или, по крайней мере, были полны) людей, считающих себя Наполеоном[2]. В то же время, если мы придерживаемся идеи достоверного знания, мы, скорее всего, будем настаивать, что существует разница между, с одной стороны, Наполеоном Бонапартом, исторической фигурой (родился в 1769 году на Корсике, умер в 1821 году на острове Святой Елены), и, с другой, множеством альтернативных подложных Наполеонов, локализованных в психиатрической системе. Но как мы могли бы это обосновать? Перформативный ответ таков. Реальный Наполеон был рожден в сети политических, военных, дипломатических, экономических и социальных практик. Мы могли бы назвать это «наполеоновским тылом (hinterland)»[3]. Поскольку эти практики повторялись, данный тыл имел временну́ю протяженность. Поскольку они осуществлялись в разных местах, он так же имел пространственную протяженность. Так, например, события 18 брюмера в Париже учредили Наполеона как консула. Битва при Аустерлице учредила его как военного гения. Ссылка на Святую Елену после Ватерлоо перформативно произвела его в качестве постоянной серьезной опасности для европейских властей. Если мы — академические ученые, исследователи истории, психиатры

1 Перформативность — термин, изобретенный философом Дж. Л. Остином (Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1965.) для описания тех обстоятельств, в которых слова являются не описаниями («констативами»), а действиями, влияющими на реальность или создающими ее. Я использую данный термин в более широком смысле: практики (включая практики знания) перформативны, потому что они учреждают реальности. См.: Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004.

2 См. также: Callon M., Law J. On Interests and their Transformation: Enrolment and Counter-Enrolment // Social Studies of Science. 1982. Vol. 12. № 4. P. 615–625.

3 Более подробное обсуждение понятия тыла см. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004.

различаем реального Наполеона и других людей, претендующих на данный статус, то только потому, что наши практики (в том числе, практики знания) включают как минимум некоторые элементы специфического наполеоновского тыла. Возможно, мы вслед за Толстым сомневаемся в его гении (или в гении любого другого генерала). Возможно, мы не уверены насчет исторической специфики. Но даже в этом случае мы относимся к данной неопределенности серьезно. Наполеон был первым консулом, императором Франции и военной угрозой. Именно это отличает данную фигуру от других мнимых Наполеонов. Они не похожи, потому что у них нет тыла практик, учреждающих их в качестве реального Наполеона. Напротив, они перформативно производятся в совершенно ином тылу психиатрических практик создания реальности и учреждаются в качестве трагических фигур, нуждающихся в лечении.

Таким образом, аргумент состоит в том, что реальности (а также знание о реальностях) зависят от практик, охватывающих или связанных с тылом других релевантных практик, которые, в свою очередь, учреждают *собственные* реальности. Но как можно представить себе такие тылы-сети? Как и почему они оказываются прочными? Эти вопросы стали предметом рассмотрения в направлении, получившем название «исследования науки и технологий» (STS — Science and Technology Studies).

В своей книге «Лабораторная жизнь»[1] Брюно Латур и Стив Вулгар используют экономическую метафору для описания контекстов — тылов, окружающих научные практики знания. Книга представляет собой этнографические описание производства знания в лаборатории Солка в Сан-Диего. Во-первых, авторы рассматривают *идеи*, обсуждающиеся в текстах, написанных сотрудниками лаборатории. Во-вторых, они обращаются к *экспериментам*, осуществляемым этими учеными. В-третьих, они изучают то, что *укоренено* в этих экспериментах. Наконец, чтобы придать всему указанному фокус, они говорят о том, сколько *стоит* разоблачение знания, выходящего из лаборатории. Они доказывают (как им подсказывает здравый смысл), что можно совершенно легко подвергнуть сомнению необоснованные гипотезы. Это происходит рутинным образом в ходе разговора. Отвергнуть небольшую серию экспериментальных результатов является лишь немногим труднее. Например, их можно свести к артефактам эксперимента. Поставить под вопрос и разоблачить опубликованную статью уже сложнее, хотя и это возможно: иногда в научной литературе обнаруживаются нестыковки. Но очень трудно поставить под вопрос результаты, по-

1 Latour B., Woolgar, S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts, Second Edition. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.

лученные с помощью широко применяемых экспериментальных техник. Или подвергнуть сомнению базовые посылки либо теории. Почему же?

Ответ (здесь появляется метафора стоимости) состоит в том, что все практики в данной области *инвестированы* в эти техники и теории и вращаются вокруг них, которые в свою очередь включены в тылы огромного числа практик знания. Вследствие этого ликвидация данных техник, скорее всего, будет возможной, но сложной и затратной. В частности, поскольку в основе большинства областей науки лежит множество техник, со временем новые методы заменяют старые. Эти трансформации тыла сравнительно часты и недраматичны. Гораздо реже можно наблюдать успешную деконструкцию уже снискавших популярность техник. Такой вид лобовой атаки на широко производимую часть тыла буквально и метафорически эпизодичен. В целом, в каждодневной научной практике устойчивое знание воспроизводит и опирается на более-менее стабильные сети или тылы, состоящие из релевантных инструментов, репрезентаций и описываемых ими реальностей. Вот почему реальности, наравне с производящими их техниками и репрезентациями, обычно кажутся прочными и надежными[1].

Из такого перформативного понимания методологической практики вытекают два важных контринтуитивных следствия. Во-первых, хотя реальности, создаваемые научными практиками, вполне реальны (потому что отменить их будет слишком затратно — метафорически и/или буквально), они являются таковыми лишь в *особых сетях или системах циркуляции*. Контринтуитивно это значит, что реальности не реальны за пределами перформативно производящих их цепочек практик. Брюно Латур показывает, что стоит на кону, в своем замечательном эссе «Irréductions»: «Мы говорим, что законы Ньютона можно обнаружить даже в Габоне и что это просто удивительно, потому что Габон находится далеко от Англии. Но я видел камамберы „Лепети“ в супермаркетах Калифорнии. Это тоже просто удивительно, потому что Льеж находится далеко от Лос-Анджелеса. Либо это два чуда, которыми мы должны в равной мере восхищаться, либо ни в том, ни в другом нет ничего чудесного»[2].

---

1 Хотя это можно понять подобным образом, здесь я не предлагают никакую версию конструктивизма. Я не пытаюсь доказать, что опросное исследование или новая нанофармацевтика конструируются человеческими агентами. Напротив, я утверждаю, что материально гетерогенные методологические практики производят субъекты, объекты и репрезентации некоторых из этих объектов.

2 Latour B. 'Irréductions', published with The Pasteurisation of France. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. P. 227.

Латур говорит о том, что видимая повсеместность камамберов «Лепети» зависит от обширной сети практик. Без контейнеров, контроля влажности, охлаждения, бактериологических тестов и всего остального они бы не добрались до Калифорнии. Они есть там только потому, что условия в калифорнийских супермаркетах (а также вся цепочка поставок) сходны с условиями в Европе. Все это очевидно в случае сыра Камамбер, но столь же применимо и к ньютоновским законам. Они существуют только внутри сети научных лабораторий, которые построены по определенной модели. Чтобы данные законы можно было переместить из Англии в Габон, необходимо воспроизвести практики этих лабораторий. И наоборот, вне сетей практик, учреждающих эти реальности, они не манифестируют себя; вместо их себя манифестируют совсем другие реальности.

Таково первое следствие перформативного понимания знания и его реальностей: истины не универсальны[1]. Согласно такому способу мышления, свойства внешнего мира, соотносящиеся с этими истинами, а именно — «реальное», как называют их философы, «реализуются» в законченной форме только внутри сетей практик, учреждающих или перформативно производящих их.

Второе следствие связано с ценностью такого способа мышления. Один из ответов состоит в том, что он открывает политическое пространство. Он позволяет нам задавать вопросы об обстоятельствах и средствах лучшего учреждения реального. Благодаря ему появляется возможность размышлять о политике, которая создает лучшую версию реального, т. е. об «онтологической политике» или «онтополитике»[2]. Небольшой комментарий. Задумайтесь на секунду о классическом феминистском лозунге: «Биология — не судьба». Этот лозунг разграничил пол и гендер. Пол биологически задан, а гендер — нет. Это означало (как следовало из данного аргумента), что из половой дифференциации тел не вытекает никакой политики. Данный аргумент проделал прекрасную работу, но сегодня он кажется недостаточно радикальным, поскольку предполагает, что существует единая фиксированная биологическая реальность: тело,

---

1 Law J., Mol, A. Situating Technoscience: An Inquiry into Spatialities // Society and Space. 2001. Vol. 19, № 5. P. 609–621.

2 Об онтологической политике см.: Mol A. Ontological Politics: A Word and Some Questions // Actor Network Theory and After. Oxford, Keele: Blackwell and the Sociological Review, 1999. P. 74–89; об онтополитике см.: Latour B. Foreword: Stengers's Shibboleth // Power and Invention: Situating Science, pp. vii — xx. Minneapolis, MN and London: University of Minnesota Press, 1997; Hinchliffe S. et al. Urban Wild Things: A Cosmopolitical Experiment // Society and Space. 2005. Vol. 23, № 5. P. 643–658.

имеющее пол. Но если в разных практиках знания учреждаются различные реальности, — что, конечно же, происходит и в случае тел, имеющих пол[1], — тогда это неверно. Тела, имеющие пол, производятся анатомически, эндокринологически, генетически, психологически и эпидемиологически, и каждый раз мы имеем *иной* пол в *иной* совокупности мест. Иногда эти полы пересекаются, а порой и полностью совпадают, но иногда — нет. Один небольшой пример. В сетях эпидемиологической и эндокринологической практики различие между людьми, у которых есть менструация, и теми, у кого ее нет, может быть более важным, чем различия генетические или анатомические. Причина в том, что среди тех, у кого есть менструация, уровень холестерина и эпидемиология артериальных заболеваний не коррелируют с потреблением насыщенных жиров, что не так среди группы не-менструирующих людей[2]. Все это говорит нам о том, что биология — *не* судьба, но гораздо более радикальным образом, нежели о том помышляли феминистки первой или второй волны.

Таким образом, я утверждаю, что различные реальности учреждаются в различных практиках и местах — естественнонаучных, общественнонаучных и прочих. Их учреждение — нелегкая, нетривиальная и недешевая задача. И они с большим трудом перемещаются с места на место. Аргумент перформативности не имеет ничего общего с философским идеализмом или представлением о том, что «все сойдет» или все возможно. Практики всегда требуют усилий по упорядочиванию соответствующих тылов. Но, несмотря на эти усилия, перформативное понимание знания и описываемых им миров открывает пространство для политики реального. И это та политика, в рамках которой мы можем пытаться усиливать одни реальности и ослаблять другие, поддерживать одни системы циркуляции реальности и не поддерживать другие.

Вот что говорит нам социология науки. Если мы готовы погрузиться в технические детали производства знания, тогда перед нами открывается глубоко политическое пространство. Исследовательница технонауки и феминистка Донна Харауэй делает это в сво-

1 Hirschauer S. Performing Sexes and Genders in Medical Practices // Differences in Medicine: Unravelling Practices, Techniques and Bodies. Durham, NC: Duke University Press, 1998. P. 13–37; Hirschauer S., Mol A. Shifting Sexes, Moving Stories: Feminist/Constructivist Dialogues // Science, Technology and Human Values. 1995. Vol. 20, № 3. P. 368–385.

2 Mol A. The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice. London: Routledge, 2008.

ем эссе «Манифест киборгов»[1], как и Анмари Мол в книге «Множественное тело»[2]. Есть и другие, кто работает в данном направлении[3]. Разве биомедицинская реальность деменции, связанная с болезнью Альцгеймера, — это судьба? Нет, говорит Ингун Мозер. Существует другие реальности деменции — и программы их лечения, — и они реальны. Дело лишь в том, что они находятся под угрозой вытеснения из системы ухода за пожилыми людьми, поскольку ресурсы направляются в биомедицину и ее реальности[4].

Так что же делают опросы? Наметки археологии

Начав мыслить подобным образом, мы можем так же начать задавать вопросы о методах социальных наук. Что они производят? Какие реальности они помогают генерировать? И где? Чтобы ответить на эти вопросы я рассмотрю один пример — Евробарометр, многолетнюю серию опросов европейского общественного мнения, отслеживающих ряд постоянных тем, а также специальных опросов по конкретным темам[5].

---

1 Харауэй Х. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. М.: РОССПЭН. 2005. С. 322–377; Haraway D. J. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. London: Free Association Books, 1991. P. 183–201. Режим доступа: http://www.hsph.harvard.edu/rt21/concepts/HARAWAY.html

2 Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham, NC, London: Duke University Press, 2002.

3 Работы постколониалиста Элен Верран об «онтике» и учреждении реальности предлагают еще одну сильную версию данного аргумента (Verran H. Re-Imagining Land Ownership in Australia // Postcolonial Studies. 1998. Vol. 1, № 2. P. 237–254; Verran H. Science and an African Logic. Chicago, IL, London: Chicago University Press, 2001), как и работа Викки Синглтон о государственном здравоохранении и цервикальном скрининге (Singleton V. Feminism, Sociology of Scientific Knowledge and Postmodernism: Politics, Theory and Me // Social Studies of Science. 1996. Vol. 26, № 2. P. 445–468).

4 Moser I. Making Alzheimer's Disease Matter: Enacting, Interfering and Doing Politics of Nature // Geoforum. 2008. Vol. 39, № 1. P. 98–110.

5 Более широкий контекст настоящей статьи — участвующее исследование европейского проекта по защите прав сельскохозяйственных животных и его улучшения — темы, которая сегодня обсуждается общественностью и экспертами внутри ЕС. В период с 2004 по 2009 годы ЕС выделило 17 млн. евро на защиту прав сельскохозяйственных животных. Данный проект, называемый «Качества защиты прав» (http://www.welfarequality.net/everyone), тоже интересуется этикетками для потребителей (Welfare Quality (n. d.) Principles of Farm Animal Welfare. Lelystadt: Welfare Quality®).

В 2005 году около 25 000 жителей 25 европейских стран были опрошены на предмет их отношения к правам сельскохозяйственных животных, а также релевантности или нерелевантности этих прав для покупки мяса, яиц и других продуктов животноводства[1]. В 2007 году был проведен следующий опрос Евробарометра на эту тему. «Права животных, — говорится во втором отчете (сообщающем о взглядах 29 000 респондентов), — воспринимаются как предмет особой важности на всей территории ЕС»[2]. При ответе на вопрос «Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 до 10, насколько важным Вы считаете соблюдение прав сельскохозяйственных животных?» средний показатель составил 7.8 и 34% опрошенных ответили: «10 из 10»[3]; на вопрос «Готовы ли Вы изменить свое обычное место приобретения товаров, чтобы иметь возможность покупать продукты, при изготовлении которых соблюдались права сельскохозяйственных животных?» 62% ответили «да, определенно» или «скорее да»[4]. Большинство опрошенных отметило, что защита прав сельскохозяйственных животных в Европе улучшилась за последние десять лет. Многие (40%) полагали, что наиболее благоприятные условия для улучшения защиты прав — у фермеров[5] и около трех четвертей (72%) сказали, что фермеров следует вознаграждать за это. Многие (54%) говорили, что используемые сегодня этикетки для продуктов не помогают в процессе покупки, а 53% сказали, что они сталкиваются со сложностями при нахождении необходимой им информации в магазинах[6]. Опять же, имелись существенные межстрановые различия. Например, респонденты из новых стран-членов ЕС больше беспокоились насчет информации, чем остальные. Но даже с учетом этого в отчете говорилось, что «вопрос этикеток крайне важен»[7].

1 Eurobarometer Attitudes of EU Citizens Towards Farm Animal Welfare. Brussels: European Commission, 2005. Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_229_en. pdf

2 Eurobarometer Attitudes of EU Citizens Towards Animal Welfare. Brussels: European Commission, 2007. P. 4. Режим доступа: http://ec.europa.eu/food/animal/welfare/survey/sp_barometer_aw_en. pdf

3 Ibidem.

4 Это связано с идеей о том, что производство, соблюдающее права животных, предлагает более здоровую и качественную продукцию. См.: ibid. P. 38, 49.

5 Также среди важных фигур назывались ветеринары (26%), органы власти (25%) и общественные организации, защищающие права животных (24%). См.: ibid. P. 49.

6 Ibidem.

7 Ibidem.

Что же мы можем сказать об этих результатах? Что они *перформативно производят*? Какие версии реального они помогают учреждать? Я буду отвечать на эти вопросы по слоям, в духе фукианской археологии.

Слой один: европейский потребитель

Еще даже не начав копать, на самой поверхности мы можем обнаружить европейского потребителя, который заботится о правах сельскохозяйственных животных. Назовем это слоем один.

Вопрос: если мы будем спрашивать людей о правах сельскохозяйственных животных, что они будут говорить? Ответ, само собой разумеется, состоит в том, что они скорее всего будут выступать в их защиту. Немногие из нас хотят выглядеть монстрами. Таким образом, Евробарометр, возможно, уже сталкивается с серьезной методологической проблемой.

Ощущение проблематичности усилится еще больше, если мы примем во внимание, что установки и действия связаны друг с другом неоднозначным способом. Поэтому в контексте Евробарометра люди *говорят*, что они за соблюдение прав сельскохозяйственных животных, но *делают* для этого гораздо меньше. Например, опрос, проведенный проектом «Качество защиты прав», показывает, что в Соединенном Королевстве 73% жителей заявляют, что они задумываются о правах сельскохозяйственных животных в целом, но только 39% хотя бы просто *утверждают*, что они задумываются об этом при покупке продуктов[1]. Другие исследования говорят о том же самом. Количество совершеннолетних членов британской организации RSPCA (Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals, Королевское общество предотвращения жесткого обращения с животными) в 2007 году было примерно 31 000[2], что существенно меньше 36 000 в 2004 году[3]. В движении «Сострадание в мировом сель-

1 Kjærnes U., Lavik R. Farm Animal Welfare and Food Consumption Practices: Results from Surveys in Seven Countries // Attitudes of Consumers, Retailers and Producers to Farm Animal Welfare. Welfare Quality Report 2. Cardiff: Cardiff University, 2007. P. 18.

2 RSPCA Trustees' Report and Accounts. Horsham: RSPCA, 2007. P. 5. Режим доступа: http://www.rspca.org.uk/servlet/BlobServer? blobtable=RSPCABlob &blobcol=urlblob&blobkey=id&blobwhere=1210683164 678&blobheader=application/pdf

3 RSPCA Trustees' Report and Accounts. Horsham: RSPCA, 2005. P. 5. Режим доступа: http://www.rspca.org.uk/servlet/BlobServer? blobtable=RSPCABlob&blobcol=ur lblob&blobkey=id&blobwhere=1147695567 444&blobheader=application/pdf

ском хозяйстве» участвовало около 20 000 (в 2007 году)[1]. Не самые впечатляющие цифры. Они указывают на огромный разрыв между установками и действиями. Впрочем, в противоположность этому 6–7% британцев говорят, что они вегетарианцы[2], а такие дорогие супермаркеты, как «Вэйтроуз», утверждают, что соблюдение прав животных хорошо сказывается на бизнесе[3].

Что с этим можно сделать? Хотя эти данные указывают в обоих направлениях, в конечном счете их сложно соотнести с результатами Евробарометра. Возникает соблазн сказать, что Евробаромерт *описывает* европейского потребителя, но не способен учредить соответствующую *реальность*. Возможно, следует сказать, что он учреждает *установки*, но их связь с действиями ограничена.

Будь мы конвенциональны, мы могли бы сказать, что это плохая социальная наука. Но я не думаю, что все так просто. Почему бы не представить это как первую попытку формулирования перформативной альтернативы? Евробарометр создает реальность, *но только в контексте своих интервью*. Там она несомненно реальна. Но это реальность, которая плохо соотносится с другими практиками-ре-

1 Сравните с численностью британского Национального общества охраны памятников, в котором 3,4 миллиона членов и 43 000 волонтеров (Discover the National Trust. Swindon: The National Trust, 2007. Режим доступа: http://www.nationaltrust.org.uk/main/w-trust/w-thecharity. htm), а также с Королевским обществом защиты птиц с его 1 миллионом членов и 13 000 волонтеров (RSPB. About Us. Sandy, Bedfordshire, 2007. Режим доступа: http://www.rspb.org.uk/about/index. asp).

2 Kjørstadt I. Literature Reviews // Farm Animal Welfare Concerns: Consumers, Retailers and Producers. Welfare Quality Report 1. Cardiff: Cardiff University, 2005.

3 См., например: Waitrose Beef. 2007. Режим доступа: http://www.waitrose.com/food/productranges/meat/beef. aspx, где, в частности, говорится: «Вся наша говядина выращивается в соответствии со стандартами независимой организации Качественное Британское Мясо (ABM, Assured British Meat), которые регулируют все — от обеспечения здорового питания для животных до минимизации стресса во время транспортировки. Представители организации регулярно инспектируют фермы, чтобы удостовериться в соблюдении всех критериев. Крупный рогатый скот транспортируется только утвержденными ABM грузоперевозчиками, а по прибытии на перерабатывающий завод ему предоставляется отдых и свежая вода». См. также комментарии по поводу «Вейтроуз» в: Roe E., Murdoch, J. UK Market for Animal Welfare Friendly Products: Market Structure, Survey of Available Products and Quality Assurance Schemes. Welfare Quality Report 3. Cardiff: Cardiff University, 2006. P. 55: «Я поговорил с мясником о том, каким образом скот, перерабатываемые в мясопродукцию „Вэйтроуз“, разводится, транспортируется и забивается. Он сказал, что можно проследить источник мяса вплоть до фермы. Однако никто никогда этого не делал».

альности-потребителя-животных, по крайней мере — с некоторыми из них. Если бы она делала это лучше, тогда существовала бы сеть-тыл практик, работающих с более-менее тем же потребителем в других местах. Прочным и устойчивым потребителем, которого можно было бы транспортировать подобно Камамберам «Лепети», законам Ньютона или реальному Наполеону[1].

Слой два: европейская политика

Слой номер два. Вопрос: почему за два года было проведено два опроса Евробарометра по теме отношения к правам сельскохозяйственных животных?

Быстрый ответ состоит в том, что в Брюсселе что-то происходит. Я не знаю подробности, но, судя по всему, тут замешаны, с одной стороны, лоббистская группа, которая называется Европейская группа по защите животных, и, с другой, интересы DG 5 — подразделения Европейской Комиссии, отвечающего за Евробарометр[2]. Похожи, двери второй широко открыты для первой. Но происходят и другие вещи. Вот цитата из отчета по первому Евробарометру. Возвращаемся в 1974 год: «Как барометр может применяться для измерения атмосферного давления и, тем самым, для краткосрочных прогнозов погоды, так и Евро-барометр может применяться для изучения и, в некоторой степени, предсказания отношения общества к наиболее важным текущим событиям, прямо или косвенно связанным с развитием Европейского Сообщества и унификацией Европы»[3].

Итак, мы по-прежнему находимся на втором слое — *Евробарометр является частью так называемого европейского проекта*. Евроскептики говорят нам, что по этой причине его не следуют принимать всерьез. Поскольку он не независим, он ничего не говорит нам о «европейском общественном мнении» и ничем не способен помочь в преодолении европейского дефицита демократии. К этому может добавляться, что реальное «общественное мнение» возможно только при наличии активных общедоступных СМИ, но поскольку тако-

1 Я опираюсь на аргументы, развитые Анмари Мол в ее работе, посвященной координации медицинских практик при атеросклерозе нижних конечностей. См.: Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham, NC, London: Duke University Press, 2002.

2 Я хотел бы поблагодарить Мару Мьеле за обсуждение этого момента.

3 Commission of the European Communities. Euro-Barometer No 1. Brussels: Commission of the European Communities, 1974. Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb1/eb1_en. pdf

вых для Европы в целом не существует[1], это означает, что нет никакого «европейского общественного мнения»[2]. И точка.

Так получилось, что я евроэнтузиаст, но такой евроскептицизм мне кажется ценным, поскольку он помогает докопаться до некоторых пластов, которые нужны для археологии, и тем самым артикулировать дополнительные учреждаемые реальности. Но следуя этим критическим путем, мы должны быть осторожны, поскольку социальная критика, включая евроскептицизм, склонна полагать, что она разоблачает единственную глубинную реальность, лежащую по ту сторону видимостей и вдохновляющую их (тем самым, объявляя их вводящими в заблуждение). Но именно от этого аргумента я хочу уйти. Я хочу сказать вместо этого, что критика артикулирует *некоторые* из реальностей, учреждаемых в определенных местах. Она генерирует определенные тылы, при этом опространствливая данные реальности, показывая их *локальное* учреждение, например, в коридорах Европейской Комиссии или в организациях по изучению общественного мнения, которым ЕК делегирует проведение опросов[3]. И тогда она работает (принципиальный шаг), связывая их, в свою очередь, с альтернативными местами и реальностями, которые реконтекстуализируют их путем дискредитации. Например, в данном случае устанавливается связь между вроде бы невинными результатами опроса и скрытыми политическими интересами, с одной стороны, и политической теорией легитимного и нелегитимного общественного мнения, с другой.

При этом происходит мобилизация определенного тыла, но учреждаемые здесь реальности — не альтернативы. Они замещают или объясняют другие реальности только в определенных (в данном случае — евроскептических) местах. Если же мы, вместо этого, мыслим перформативно, тогда мы должны говорить, что эти реальности

---

1 Обратите внимание, что данный аргумент обычно основывается на определенной версии политики, в которой демократия понимается как дебаты между свободными гражданами в полисе. Я благодарен Анмари Мол (Mol A. The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice. London: Routledge, 2008) за обсуждение телесности и гражданства и Эндрю Барри (Barry A. Political Machines: Governing a Technological Society. London and New York: The Athlone Press, 2001) за его поучительное описание материальностей инновационных политических арен.

2 См., например: Keller F. A Virtual Nation? Public Opinion Research and European Integration. Sociological Institute, Zurich University, 1997. Режим доступа: http://www.suz.uzh.ch/keller/online/eb/index. html

3 Дорин Мэсси подчеркивает важность пространства в контексте сопротивления и множественности порядков (Massey D. For Space. London and Thousand Oaks, CA: Sage, 2005).

существуют *наравне* со всеми другими. И на кону здесь стоит вопрос о том, что с чем успешно связывается в специфических практиках учреждаемых сетей-тылов.

Слой три: субъективности и локализация политики

Слой номер три. Цитата из Евробарометра 2005 года:

«Сопровождение продуктов этикетками определенно помогло бы *потребителю* совершать покупки более избирательно, отдавая предпочтение продуктам, изготовленным с соблюдением прав животных»[1].

Этот текст интересен тем, что *описывает* потребителей, одновременно мобилизуя ряд *допущений* о них[2].

Потребители превращаются в *принимающих решения индивидов*, сталкивающихся с продуктами на полках, в отношении которых они должны совершить выбор.

Эти потребители также принимают решения *рационально*, поскольку они используют «информацию» (например, этикетки на мясе), решая, что покупать.

Кроме того, они перформативно производятся как индивиды, принимающие решения *этически*, поскольку они заботятся о правах животных и совершают покупки, исходя из этого.

Наконец, они принимают *недостаточно обоснованные* решения, поскольку, не располагая «информацией», они не могут совершить правильный выбор.

Таковы некоторые более-менее невидимые допущения, учреждаемые в этом одном-единственном предложении. Так что слой номер три, который создается в том числе и данной статьей за счет связывания данных Евробарометра с теориями субъективности, касается перформативного производства полноценной теории субъекта, человека. И, можно добавить, специфического понимания подходящего места для политического действия, которое, по крайней мере в отношении прав животных, надлежащим образом могут осуществлять только индивиды в супермаркетах, человек за человеком, в момент покупки. Что означает, в свою очередь, что это также способствует учреждению неолиберальной версии политэкономии[3].

---

1 Eurobarometer... 2005. P. 72; курсив автора.

2 Нижеследующее отражает дискуссии с Анмари Мол и ее анализ роли потребительского выбора и гражданских прав в здравоохранении. См.: Mol A. The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice. London: Routledge, 2008.

3 Разумеется, это тоже спорно. Исследование проекта «Качество защиты прав» показывает, например, что в Норвегии члены фокус-групп сравни-

А теперь взгляните сюда. Вот что говорится в Евробарометре от 2007 года: «Для совершения... выбора [по поводу приобретения продуктов из животных] важно, чтобы *общественность* располагала информацией, позволяющей ей определять положение, связанное с правами животных, которое скрывается за продуктами на полках. Результаты данного опроса показывают, что эту информацию необходимо совершенствовать[1].

Происходит смена регистра, переход от «потребителей» к «общественности». Очевидно, первые отличаются от второй: «Как заметил один из членов консультативной группы, «потребитель и гражданин — это обычно разные люди, и компании, владеющие супермаркетами, в первую очередь прислушиваются к потребителю и лишь далеко во вторую — к гражданину»[2].

Это говорит о том, что субъективность делает еще больший объем политической работы. Что за существо потребитель? Один из ответов таков: это субъект, который может, с одной стороны, *требовать* информацию о товарах, поскольку он является действующим лицом на рынке, но, с другой стороны, не имеет особых *прав* на эту информацию[3]. Здесь находит отражение тот факт, что санкции, доступные потребителю, не носят законодательного или административного характера. Скорее, и часто это оказывается мощным

тельно больше доверяют государственным органам в сравнении с остальной Европой (Terragni L., Torjusen H. Norway // Consumers' Views about Farm Animal Welfare: Part 1: National Reports Based on Focus Group Research. Cardiff: Welfare Quality, 2007. P. 255). Возможный вывод состоит в том, что политика защиты прав надлежащим образом реализуется скорее государством, чем индивидами в точке выбора в супермаркетах. Я благодарен Маре Мьеле за обсуждение этого момента.

1 Как отмечалось ранее, 54% говорят, что этикетки на продуктах не помогают, а 53% утверждают, что они с трудом находят нужную им информацию. Eurobarometer... 2007. P. 72; курсив автора.

2 Fox T., Vorley B. Stakeholder Accountability in the UK Supermarket Sector. London: International Institute for Environment and Development, 2004. P. 23. Режим доступа: http://www.iied.org/pubs/pdfs/16 003IIED. pdf; цит по: Miele M., Murdoch J., Roe, E. J. Animals and Ambivalence: Governing Farm Animal Welfare in the European Food Sector // Agricultural Governance, Globalization and the New Politics of Regulation. New York: Routledge, 2005. P. 169–186.

3 Сильная социология рынков (которая также говорит о том, как экономическая теория способствовала созданию рынков) предлагается в: Callon M. Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics // The Laws of the Markets. Oxford, Keele: Blackwell and the Sociological Review, 1998. P. 1–57; Callon M. What Does It Mean to Say That Economics Is Performative? // Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. P. 311–357.

инструментом, он может отказываться от покупки и уходить. А как насчет «общественности»? Приведенная цитата двусмысленна. Но, по крайней мере, в теории демократии они сближается с гражданами, государствами и правами. Мы наблюдаем смену регистров и институциональных локализаций при переходе от рынка к праву и администрированию, к местам, где государство и его органы вмешиваются и осуществляют регулирование. Поэтому моя идея состоит в том, что Евробарометр создает одновременно *потребителей*, которым бы понравилось увеличение количества информации, и *граждан*, обладающих правами на эту информацию. Он способствует возникновению гибридного европейского потребителя-гражданина и вместе с тем, что не случайно, — дальнейшую потребность в европейском государстве, которое будет реагировать на существование этого гибрида, что представляет собой, говоря мягко, креативную составляющую социальной и политической инженерии[1].

Слой четыре: Европа как вместилище индивидов

Чтобы понять слой четыре, нам необходимо обратиться к элементарным основам методики опроса и посмотреть, какие образом Евробарометр работает в качестве исследовательского инструмента:
1) 27 стран-членов ЕС рассматриваются как различные совокупности.
2) Внутри каждой совокупности города и сельские регионы рассматриваются как отдельные подсовокупности[2].
3) Внутри каждой единицы отбираются точки выборки.
4) Исследователи случайным образом отбирают «начальный адрес» из списка избирателей или списка абонентов.
5) Выборка генерируется путем добавления каждого *n*-го адреса[3].
6) Респондент отбирается внутри каждого домохозяйства случайным образом при помощи процедуры, называемой «правило ближайшего дня рождения».

---

1 Одно из направлений политической теории (Walzer M. Spheres of Justice: A Defence of Pluralism and Equality. Oxford: Blackwell, 1983) утверждает, что различные «сферы справедливости» лучше разделять. Мой аргумент гораздо ближе к аргументу Болтански и Тевено (Boltanski L., Thévenot L. Les économies de la grandeur. Cahiers du Centre d'Etudes de l'Emploi. 32. Paris: Presses Universitaires de France, 1987; Thévenot L. L'action au pluriel: sociologie des régimes d'engagement. Paris: Éditions de la Découverte, 2006).

2 Для чего используются европейские «административные региональные единицы».

3 Eurobarometer... 2005. P. 77.

После проведения опросных интервью (около 1 000 в большинстве стран ЕС) делается сравнение выборочной совокупности и генеральной совокупности по стране. Вопрос: соответствует ли выборка статистике Евростата или национальных статистических служб по важным показателям, включая «пол, возраст, регион и размер поселения»[1]. «Репрезентативна» ли выборка? Если да, все в порядке. Если нет, результаты уточняются. Наконец, генерируется статистика, во-первых, по отдельным странам, во-вторых, по отдельным демографическим группам и, в-третьих, после приписывая странам весовых коэффициентов согласно количеству жителей, по ЕС в целом. Эти графики и публикуются в отчете, вместе с обязательным предупреждением об их статистической значимости[2].

Все это настолько рутинно, что мне сложно придумать на этот счет что-то новое. Но я попробую. Я хочу сказать, хотя это не особенно оригинально, что статистика — это набор методических практик, которые неинтересны и потому более-менее невидимо *учреждают очень специфическую версию коллективного*. В частности, они учреждают его как *счетную совокупность*. Для Евробарометра Европа становится:
1) набором индивидов, обладающих
2) измеримыми свойствами, например, мнениями, которые
3) можно агрегировать для установления коллективного распределения мнений.

Это значит, что данные индивиды считаются *изоморфными*. (Поскольку установление специфических различий требует создания сходства в других релевантных отношениях.) Это, в свою очередь, означает:

- что данные статистические методы создают *гомогенное* европейское *коллективное пространство*, вмещающее изоморфных индивидов, которое
- затем *рестратифицируется* на подпространства или подсовокупности (например, распределение мнений по 27 странам) и, тем самым, воссоздает национальное государство в специфической форме. Затем, наконец,
- Евробаромет выдвигает статистические предположения относительно связи выборка — генеральная совокупность. С определенной степенью уверенности данная выборка считает репрезентативной для генеральной совокупности, и потому замещающей ее.

Все это крайне незамысловато. Это заурядная статистика, но что она делает — так это более-менее невидимо создает Европу опреде-

1 Ibid., P. 78.

2 «Напоминаем читателям, что результаты опроса являются приближениями, точность которых, при прочих равных, основывается на размере выборки и на наблюдаемых процентах» (Ibidem).

ленного *рода*: Европу, повторю, превращенную в изоморфную совокупность индивидов в гомогенном и замкнутом концептуальном и географическом пространстве. Таков слой номер четыре.

Слой пять: романтизм, или коллективность как статистическое множество

Слой номер пять тесно связан с предыдущим. Евробарометр заимствует и использует методики, применяемые исследователями общественного мнения, маркетологами и социологами. Эти исследовательские практики, создающие реальности, настолько широко распространены, что тот тип коллективной реальности, который они создают, очень сложно заметить. Коллективность натурализируется в качестве совокупности индивидов.

Мне вряд ли стоит напоминать, что так было не всегда. Дюркгейм не знал о репрезентативной статистике. Как и Чарльз Бут. Целый ряд социальных исследователей показал, каким образом произошла институционализация этого и схожих аппаратов учреждения реальности[1]. На данный момент в рутину опросного исследования было инвестировано столько, сеть-тыл была разработана настолько хорошо, что, если говорить в терминах Латура и Вулгара, отменить опросы или реальности, в создании которых они участвуют, стало слишком дорого. Отсюда следует (и это только часть истории), что данные реальности циркулируют в таких местах, как Европейская Комиссия, которые теперь *зависят* от них, поскольку они позволяют видеть статистически, как государство.

Таков слой пять в археологии. Но можно рассмотреть вопрос и философски. Сеть-тыл опросного исследования и статистики создает *романтическую* версию коллективного. Имеется в виду, что эта воображаемая коллективность, как более-менее *когерентная целостность, содержит* в себе составляющие ее индивидуальные элементы и одновременно *возникает в результате их взаимодействия*. Я хочу отметить по этому поводу две вещи.

Подобного рода «статистический холизм» представляет собой версию, но лишь одну из версий — философско-романтического

1 См.: MacKenzie D. Statistics in Britain, 1865–1930: The Social Construction of Scientific Knowledge. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1981; Porter T. M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995; Osborne T., Rose N. Do the Social Sciences Create Phenomena? The Example of Public Opinion Research // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50, № 3. P. 367–396; Mitchell T. Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity. Berkeley, CA: University of California Press, 2002.

эмерджентного холизма. Так, например, социологи и антропологи любят обсуждать термины, вроде «культура» или «структура», но их тоже зачастую лучше рассматривать как способы учреждения эмерджентных романтический целостностей, хотя они и генерируются иным образом и локализованы в других сетях-тылах. В противоположность этому существуют альтернативные и совершенно непохожие способы познания и перформативного производства коллективности[1]. Таким образом, романтический холизм пытается открыть обширную и эмерджентную комплексность. Он предполагает, что этот более широкий контекст можно познать как нечто единственное, центрированное, эксплицитное, гомогенное и абстрактное. Барокко, напротив, предполагает иную форму чувствительности, которая открывает контекст и комплексность *внутри* и считает их чем-то мелким, некогерентным, гетерогенным, специфическим, чувственным, имплицитным и сопротивляющимся любому обобщению[2].

Здесь важна не столько специфика этой барочной альтернативы, а, скорее, то, что *существуют* альтернативные способы создания коллективностей и что их становится все сложнее учреждать и реализовывать по мере успеха статистического романтизма и его качественных кузенов. Говоря языком Фуко, романтизм стремится определить условия возможности коллективного.

Заключение: импликации перформативности

Практики методов перформативны. Они помогают учреждать описываемый ими мир. Поскольку эта перформативность носит преимущественно имплицитный характер, нам необходимо археологическое прочтение, чтобы артикулировать подразумеваемые ими реальности[3]. Такая археология — всегда носит незавершенный ха-

1 Kwa C. L. Romantic and Baroque Conceptions of Complex Wholes in the Sciences // Complexities: Social Studies of Knowledge Practices. Durham, NC, London: Duke University Press, 2002. P. 23–52; Law J. And if the Global Were Small and Non-Coherent? Method, Complexity and the Baroque // Society and Space. 2004. Vol. 22, № 1. P. 13–26. Режим доступа: http://www.lancaster.ac.uk/fass/sociology/papers/law-and-if-the-global-weresmall. pdf.

2 Здесь мы оказываемся в монадологическом мире Лейбница (Лейбниц Г.-В. Монадология/пер. с франц. Б. П. Боброва // Лейбниц Г.-В. Сочинения: в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 413–429) и, в частности, в мире Уайтхеда (Whitehead A. N. Process and Reality. New York: Free Press, 1978) с его несопоставимой монадологией.

3 Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004; Law J., Singleton V. Allegory and Its Others // D. Nicolini et al. (eds) Knowing in Organizations: A Practice Based Approach. New York: Sharpe, 2003. P. 225–254.

рактер, всегда способна артикулировать новые версии перформативности. Это инстинкт, который вдохновляет барочное или монадологическое исследование природы метода.

В контексте Евробарометра я показал, что последний не просто описывает и учреждает взгляды европейских потребителей на права сельскохозяйственных животных. Помимо прочего он также: делает потребителя индивидуальным рационально-этическим субъектом; воспроизводит индивидуальный акт потребления как подлинное место политического действия; создает ЕС как неолиберальное политическое место; перформативно производит Европу как изоморфную совокупность индивидов в гомогенном, замкнутом, концептуальном пространстве; воспроизводит статистику и опросные исследования как надежные инструменты описания и, тем самым, создания социальной реальности, и воплощает философско-романтическую версию коллектива, в которой «маленькие» индивиды размещаются внутри эмерджентного большего целого и рассматриваются как его части, вносящие в него свой вклад.

Пессимистическая реакция предполагала бы вывод, что статистика и опросные исследование пере-учреждают широко циркулирующий набор возможностей и устанавливают пределы, как для реального, так и для того, что мы можем знать о реальном. Это предполагает, что мы пойманы в гегемонно созданную версию реальности и политики, из которой невозможно сбежать, что мы находимся внутри чего-то наподобие всеохватывающей эпистемы. Но есть две причины для более оптимистической реакции.

Во-первых, методические практики Евробарометра не особо последовательны. Напротив, они борются с неопределенностью и лишь частично успешны в учреждении консистентности. Отражают ли установки потребителей их действия? Не обязательно. Являются ли граждане так же потребителями? Ну, когда как. Хотят ли люди в момент покупки быть местом осуществления этики и политики? Зачастую, нет. Схватывает ли опросное исследование важные аспекты потребления? Вероятно, нет, по крайней мере, довольно часто. Правильно ли представлять Европу как совокупность изоморфных индивидов? Ответ: только иногда и для определенных целей. Являются ли субъекты центрированными и изолированными индивидами, принимающими решения? Нет, не являются. Но если Евробарометр не очень последователен, тогда есть надежда. В частности, вместо того чтобы быть пойманным в простую онтологическую и эпистемологическую ловушку, мы можем начать ра-

---

Режим доступа: http://www.lancaster.ac.uk/fass/sociology/papers/law-singleton-allegory-and-its-others. pdf.

ботать с разломами и внутри разломов с целью создания других реальностей.

Во-вторых, как я говорил выше, истины не универсальны и методы создают реальное только в определенных местах. Но это означает, что дело не столько в том, что Евробарометр ошибочен, сколько в том, что его результаты жизнеспособны и хороши лишь в крайне специфических местах. Эти места, несомненно, включают сети, которые обеспечивают функционирование профильной прессы по вопросам продовольствия, сельского хозяйства или мяса, а также такие места, как RSPCA, Министерство окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства (DEFRA, Department for the Environment, Food and Rural Affairs), отделы ЕК и конкретные проекты, финансируемые ЕС[1].

Это, опять же, ориентирует нас в направлении онтологической политики. Если нам не нравятся реальности, создаваемые Евробарометром, тогда важно разработать иные методические практики с другими сетями-тылами, другими реальностями, другими наборами взаимосвязей и другими каналами циркуляции. И есть признаки (возможно, пока только намеки) того, что это происходит. Так, например, существует множество инноваций в области сбора и анализа социальных данных в частном секторе, которые все меньше зависят от социологических исследований[2]. Некоторые из этих инноваций используются, адаптируются и ремоделируются внутри академических исследований. Например, финансируемый ЕС проект «Качество защиты прав» проводил репрезентативные опросы для изучения и (как я утверждаю) создания своих реальностей, но использовал также интервью, фокус-группы[3], доски объявлений, гражданские коллегии присяжных, встречи за-

1 Blokhuis, H. Welfare Quality®: Context, Progress and Aims // Assuring Animal Welfare: From Societal Concerns to Implementation: Proceedings of the Second Welfare Quality® Stakeholder Conference, 3–4 May 2007, Berlin, Germany. P. 9–12. Lelystad: Welfare Quality®, 2007. P. 9. Режим доступа: http://www.welfarequality.net/publicfiles/36 059_25 646 376 170_200 705 090 907 523_2244_Proceedings_2nd_WQ_Stakeholder_conference_3_4_May_2007.pdf; См. также: Kjærnes U., Lavik R. Farm Animal Welfare and Food Consumption Practices: Results from Surveys in Seven Countries // Attitudes of Consumers, Retailers and Producers to Farm Animal Welfare. Welfare Quality Report 2. Cardiff: Cardiff University, 2007. P. 6–7.

2 Osborne T., Rose, N., Savage M. Inscribing the History of British Sociology // The Sociological Review. 2008. Vol. 56, № 4. P. 519–534; Savage M., Burrows R. The Coming Crisis of Empirical Sociology // Sociology. 2007. Vol. 41, № 5. P. 885–899.

3 См., среди прочего: Consumers' Views about Farm Animal Welfare: Part 1: National Reports Based on Focus Group Research. Welfare Quality Report Series 4. Cardiff: Welfare Quality, 2007.

интересованных лиц и так называемые интеграционные собрания[1] — и все это учреждает иные версии мира, его объектов и его субъектов. В других контекстах разрабатываются другие наборы методик — например, определенные версии интеллектуального анализа данных[2].

Возможно, слишком рано говорить о методологической диаспоре, но перформативное понимание метода предполагает необходимость учета идеи о том, что универсализм мертв, и ощущения того, что истины — и реальности — всегда локализованы в каком-то конкретном месте и что если они перемещаются, то это происходит с большими или меньшими сложностями. Столкновения, особенности и различия, возникающие, когда на смену универсализму приходит множественность, несут с собой обещание распределенной и гетерогенной политики реального.

Благодарности

Выражаю благодарность Кристин Асдал, Нику Бингему, Эндре Даньи, Эдриану Эвансу, Стиву Хинчлифу, Мэриан Льен, Маре Мьель, Аннмари Мол, Ингун Мозеру, Эмме Ро, Викки Синглтон и Элен Верран.

Перевод с англ. А. Корбута

Библиография

1. *Лейбниц Г.-В. Монадология /пер. с франц. Б. П. Боброва // Лейбниц, Г.-В. Сочинения: в 4-х тт. Т. 1. 1982. М.: Мысль. С. 413–429.*
2. *Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.*
3. *Фуко М. Рождение клиники / пер. с франц. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998.*

1 См., например: Strategy Report. Welfare Quality Report Series 8. Cardiff: Welfare Quality, 2009.

2 См., например, работы о стратегиях патентирования в области геномики (Oldham P. Biodiversity and the Patent System: An Introduction to Research Methods. Lancaster, Cardiff: CESAGen, 2006. Режим доступа: http://www.cesagen.lancs.ac.uk/resources/docs/biodiversity_patent. pdf) и об использовании программы IssueCrawler (McNally R. Sociomics! Using the Issue Crawler to Map, Monitor and Engage with the Global Proteomics Research Network // Proteomics. 2005. Vol. 5, № 12. P. 3010–3016.) в Центре коллективного пользования по социомике Центра изучения экономических и социальных аспектов геномики ESRC (Economic and Social Research Council, Совет по экономическим и социальным исследованиям).

4. *Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождения тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.*
5. *Фуко М. Археология знания / пер. с франц. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.*
6. *Харауэй Х. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. М.: РОССПЭН, 2004. С. 322–377.*
7. *Austin J.L. How to Do Things with Words / edited by J.O. Urmston. Oxford: Oxford University Press, 1965.*
8. *Barry A. Political Machines: Governing a Technological Society. London and New York: The Athlone Press, 2001.*
9. *Blokhuis H. 'Welfare Quality®: Context, Progress and Aims' // I. Veissier et al. (eds) Assuring Animal Welfare: From Societal Concerns to Implementation: Proceedings of the Second Welfare Quality® Stakeholder Conference, 3-4 May 2007, Berlin, Germany, pp. 9–12. Lelystad: Welfare Quality®. Also available at: http://www.welfarequality.net/publicfiles/36059_25646376170_2007050 90907523_2244_Proceedings_2nd_WQ_Stakeholder_conference_3_4_ May_2007.pdf*
10. *Boltanski L., Thévenot L. Les économies de la grandeur. Cahiers du Centre d'Etudes de l'Emploi, 32. Paris: Presses Universitaires de France, 1987.*
11. *Callon M. 'Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics' // M. Callon (ed.) The Laws of the Markets, pp. 1–57. Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.*
12. *Callon, M. (2007) 'What Does It Mean to Say That Economics Is Performative?' in D. MacKenzie et al. (eds) Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics, pp. 311–57. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.*
13. *Callon M., Law J. On Interests and their Transformation: Enrolment and Counter-Enrolment // Social Studies of Science. 1982. Vol. 12(4). P. 615–625.*
14. *Commission of the European Communities. Euro-Barometer No 1. Brussels: Commission of the European Communities. 1974. Also available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb1/eb1_en.pdf*
15. *Compassion in World Farming 'CIWF Needs You', Godalming: Compassion in World Farming, 2007. URL (consulted 22 July 2007): http://www.ciwf.org.uk/involved/index.html*
16. *Eurobarometer. Attitudes of EU Citizens Towards Farm Animal Welfare. Brussels: European Commission. 2005. Also available (consulted) at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_229_en.pdf*
17. *Eurobarometer. Attitudes of EU Citizens Towards Animal Welfare. Brussels: European Commission. 2007. Also available at: http://ec.europa.eu/food/animal/welfare/survey/sp_barometer_aw_en.pdf*
18. *Evans A., Miele M. (eds) Consumers' Views about Farm Animal Welfare: Part 1: National Reports Based on Focus Group Research. Welfare Quality Report Series 4. Cardiff: Welfare Quality, 2007.*
19. *Fox T., Vorley B. Stakeholder Accountability in the UK Supermarket Sector. London: International Institute for Environment and Development, 2004. Also available at: http://www.iied.org/pubs/pdfs/16003IIED.pdf*
20. *Hacking I. 'The Self-Vindication of the Laboratory Sciences' // A. Pickering (ed.) Science as Practice and Culture, pp. 29–64. Chicago and London: Chicago University Press, 1992.*

21. *Haraway D.J. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // D.J. Haraway (ed.) Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature, pp. 183–201. London: Free Association Books, 1991. Also available at: http://www.hsph.harvard.edu/rt21/concepts/HARAWAY.html*
22. *Hinchliffe S. et al. Urban Wild Things: A Cosmopolitical Experiment // Society and Space. 2005. Vol. 23(5). P. 643–658.*
23. *Hirschauer S. Performing Sexes and Genders in Medical Practices // M. Berg and A. Mol (eds) Differences in Medicine: Unravelling Practices, Techniques and Bodies, pp. 13–37. Durham, NC: Duke University Press, 1998.*
24. *Hirschauer S., Mol A. Shifting Sexes, Moving Stories: Feminist/Constructivist Dialogues // Science, Technology and Human Values. 1995. Vol. 20(3). P. 368–385.*
25. *Keller F. A Virtual Nation? Public Opinion Research and European Integration. Sociological Institute, Zurich University, 1997. URL (consulted 16 July 2007): http://www.suz.uzh.ch/keller/online/eb/index.html*
26. *Kjærnes U., Lavik R. Farm Animal Welfare and Food Consumption Practices: Results from Surveys in Seven Countries // U. Kjærnes et al. (eds) Attitudes of Consumers, Retailers and Producers to Farm Animal Welfare. Welfare Quality Report 2, pp. 1–30. Cardiff: Cardiff University, 2007.*
27. *Kjærnes U., Miele M., Roex J. (eds) Attitudes of Consumers, Retailers and Producers to Farm Animal Welfare. Welfare Quality Report 2. Cardiff: Cardiff University, 2007.*
28. *Kjærnes U. et al. (eds) Strategy Report. Welfare Quality Report Series 8. Cardiff: Welfare Quality, 2009.*
29. *Kjørstadt I. Literature Reviews // J. Roex and M. Miele (eds) Farm Animal Welfare Concerns: Consumers, Retailers and Producers. Welfare Quality Report 1. Cardiff: Cardiff University, 2005.*
30. *Kwa C.L. Romantic and Baroque Conceptions of Complex Wholes in the Sciences // J. Law and A. Mol (eds) Complexities: Social Studies of Knowledge Practices, pp. 23–52. Durham, NC and London: Duke University Press, 2002.*
31. *Latour B. 'Irréductions', published with The Pasteurisation of France. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.*
32. *Latour B. Foreword: Stengers's Shibboleth // I. Stengers (ed.) Power and Invention: Situating Science, pp. vii–xx. Minneapolis, MN and London: University of Minnesota Press, 1997.*
33. *Latour B., Woolgar, S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts, Second Edition. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.*
34. *Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004.*
35. *Law J. And if the Global Were Small and Non-Coherent? Method, Complexity and the Baroque // Society and Space. 2004. Vol. 22. P. 13–26. Also available at: http://www.lancaster.ac.uk/fass/sociology/papers/law-and-if-the-global-weresmall.pdf*
36. *Law J., Mol A. Situating Technoscience: An Inquiry into Spatialities // Society and Space. 2001. Vol.19(5). P. 609–621.*
37. *Law J., Singleton V. Allegory and Its Others // D. Nicolini et al. (eds) Knowing in Organizations: A Practice Based Approach. New York: Sharpe, 2003. P. 225–54. Also available at: http://www.lancaster.ac.uk/fass/sociology/papers/law-singleton-allegory-and-its-others.pdf.*
38. *MacKenzie D. Statistics in Britain, 1865-1930: The Social Construction of Scientific*

Knowledge. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1981.

39. *McNally R. Sociomics! Using the Issue Crawler to Map, Monitor and Engage with the Global Proteomics Research Network // Proteomics. 2005. Vol. 5(12). P. 3010–16.*
40. *Massey D. For Space. London and Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.*
41. *Miele M., Murdoch J., Roe E.J. Animals and Ambivalence: Governing Farm Animal Welfare in the European Food Sector // V. Higgins and V. Lawrence (eds) Agricultural Governance, Globalization and the New Politics of Regulation. New York: Routledge, 2005. P. 169–186.*
42. *Mitchell T. Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity. Berkeley, CA: University of California Press, 2002.*
43. *Mol A. Ontological Politics: A Word and Some Questions // J. Law and J. Hassard (eds). Actor Network Theory and After. Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review. 1999. P. 74–89.*
44. *Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham, NC and London: Duke University Press, 2002.*
45. *Mol A. The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice. London: Routledge, 2008.*
46. *Moser I. Making Alzheimer's Disease Matter: Enacting, Interfering and Doing Politics of Nature // Geoforum 2008. Vol. 39(1). P. 98–110.*
47. *National Trust (2007) 'Discover the National Trust', Swindon, The National Trust, URL (consulted 24 July 2007) http://www.nationaltrust.org.uk/main/w-trust/w-thecharity.htm*
48. *Oldham P. Biodiversity and the Patent System: An Introduction to Research Methods. Lancaster and Cardiff: CESAGen, 2006. Also available at: http://www.cesagen.lancs.ac.uk/resources/docs/biodiversity_patent.pdf*
49. *Osborne T., Rose N. Do the Social Sciences Create Phenomena? The Example of Public Opinion Research // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50(3). P. 367–96.*
50. *Osborne T., Rose N., Savage M. Inscribing the History of British Sociology // The Sociological Review 2008. Vol. 56(4). P. 519–34.*
51. *Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.*
52. *Rheinberger H.-J. Toward a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997.*
53. *Roe E., Murdoch J. UK Market for Animal Welfare Friendly Products: Market Structure, Survey of Available Products and Quality Assurance Schemes. Welfare Quality Report 3. Cardiff: Cardiff University, 2006.*
54. *'About Us', Sandy, Bedfordshire, 2007. URL (consulted 24 July 2007): http://www.rspb.org.uk/about/index.asp*
55. *Trustees' Report and Accounts. Horsham: RSPCA, 2005. Also available at: http://www.rspca.org.uk/servlet/BlobServer?blobtable=RSPCABlob& blobcol=ur lblob&blobkey=id& blobwhere=1147695567444&blobheader=application/pdf*
56. *Trustees' Report and Accounts. Horsham: RSPCA, 2007. Also available at: http://www.rspca.org.uk/servlet/BlobServer?blobtable=RSPCABlob&blobcol=urlblob&blobkey=id&blobwhere=1210683164678&blobheader=application/pdf*
57. *Savage M., Burrows R. The Coming Crisis of Empirical Sociology // Sociology. 2007. Vol. 41(5). P. 885–99.*

58. *Singleton V. Feminism, Sociology of Scientific Knowledge and Postmodernism: Politics, Theory and Me // Social Studies of Science. 1996. Vol. 26(2). P. 445–68.*
59. *Terragni L., Torjusen, H. Norway // A. Evans and M. Miele (eds) Consumers' Views about Farm Animal Welfare: Part 1: National Reports Based on Focus Group Research. Cardiff: Welfare Quality, 2007. P. 253–322.*
60. *Thévenot L. L'action au pluriel: sociologie des régimes d'engagement. Paris: Éditions de la Découverte, 2006.*
61. *Verran H. Re-Imagining Land Ownership in Australia // Postcolonial Studies. 1998. Vol. 1(2). P. 237–254.*
62. *Verran H. Science and an African Logic. Chicago, IL and London: Chicago University Press, 2001.*
63. *Waitrose Beef. 2008. URL (consulted 20 July 2008): http://www.waitrose.com/food/productranges/meat/beef.aspx*
64. *Walzer M. Spheres of Justice: A Defence of Pluralism and Equality. Oxford: Blackwell, 1983.*
65. *Principles of Farm Animal Welfare. Lelystadt: Welfare Quality®.*
66. *Whitehead A.N. Process and Reality. New York: Free Press, 1978.*